Время для счастья

Автор:
Мария Метлицкая

Время для счастья

Мария Метлицкая

Рассказы и повести Марии Метлицкой

Для Марии Метлицкой нет неинтересных судеб. Она уверена: каждая женщина, даже на первый взгляд ничем не примечательная, – загадка. Почему ее героиня поступила так или иначе? Почему пожертвовала своим покоем, комфортом ради близкого, а иногда и не очень близкого человека? Почему полюбила того, кто никогда не сможет сделать ее счастливой? Неужели дело в пресловутой женской логике, точнее в отсутствии логического мышления, в чем так часто упрекают женщин? Конечно, нет. Дело в том, что женщины верят своему сердцу. А оно логике не подчиняется. Именно поэтому отгадать мотивы женских поступков так сложно. И так интересно.

Произведение входит в сборник «Женщина-отгадка».

Мария Метлицкая

Время для счастья

© Метлицкая М., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Марина, Андрей

– Такое могло произойти только со мной, – приговаривала Марина, горько плача в испачканную зеленкой подушку.

Нет, это не просто обидно. Не просто жалко, глупо и смешно, хотя Андрей и пытался все обратить в шутку – впрочем, как всегда.

Это вовсе не шутки – это так нелепо, как… Как непонятно что. Даже слов не подобрать.

Надо же! Мечтать об этом весь год – долгий, холодный, тревожный. Мечтать, надеяться, нервничать, психовать, почти не верить: а вдруг не сложится, не получится, сорвется в самый последний момент?

Причин миллион – и все против нее. А если ему не дадут отпуск? Не будет билетов? А вдруг кто-нибудь разболеется – например, его дочь или ее мама? Или он сам сломает ногу? Или она – вот это скорее всего. Потому что она не из везучих. С ней все время случалась какая-нибудь дурацкая гадость. В самый неподходящий момент. Ну, не всегда, конечно… Но сколько раз!

Но чтобы так! Вот такую насмешку судьбы она даже не могла и представить. Действительно смешно. Только не ей, увы!

А ведь поначалу все сложилось. И отпуск дали, и билеты достали без проблем. И семейство его укатило в Прибалтику, а это означало, что от отцовских обязанностей он совершенно свободен. И август был вполне себе дачный – теплый и сухой, словно не предвещающий скорой осени. То есть мама на даче в полном покое и счастье. И отпустила она ее почти спокойно… Разговоры велись только два вечера – Людмила Петровна пыталась увещевать, разумеется. Шаблонно – не губи свою жизнь, не теряй драгоценные годы, думай о будущем и вообще, пошли подальше «эту сволочь».

– Мам, бесполезно! – оборвала Марина. – Не распаляйся, не стоит. Все равно уеду и все равно от него не уйду. Не надейся. И потом, – она усмехнулась, – вот кто бы говорил! Смешно прям.

Жестоко. Но мать моментально затихла и, скорбно поджав губы, ушла к себе.

Попрощались сухо. И к окну мать, как обычно проводить и помахать рукой, не подошла. Да и бог с ней! Марине уже было не до матери. И вообще ни до чего.

Андрей ждал ее на вокзале, под часами, курил и близоруко щурил глаза. Марина чуть притормозила и залюбовалась им. Сердце билось, как после спринтерского забега.

Он увидел ее, улыбнулся и махнул рукой. Вагон был купейный – вот уж совсем роскошь для отпускного сезона. Белая скатерка, печенье на блюдце, пластмассовая ромашка в узкой вазочке.

На нижней полке сидела пожилая женщина и тревожно смотрела в окно.

– Муж, – объяснила она, – ушел за сигаретами.

Она явно нервничала и теребила в руках носовой платок.

– Ненадежный? – улыбнулся Андрей.

Женщина махнула рукой.

– Куда там! Уж если пропадет… полгода можно ждать.

Андрей усмехнулся и присвистнул:

– Ничего себе! Отчаянный, значит.

– Дурак, – женщина мотнула головой. – И я дура, что не послала его куда подальше тогда, в молодости.

– Ну, так пошлите сейчас, – рассмеялся Андрей.

– Поздно, – горько вздохнула соседка. – Пропадет. Влезет в какую-нибудь историю. Всю жизнь я с ним как на пороховой бочке. Ни дня покоя. То деньги

прогуляет, то проиграет, то одолжит непонятно кому. Или бабу найдет бестолковую. И тоже пропадет.

– А вам не все равно? – удивился Андрей.

Соседка посмотрела на него с удивлением.

– Да как же? Муж ведь! Отец детей! Да и потом… как брат он мне. Непутевый. Жалею, конечно, – словно оправдываясь, вздохнула она.

«Непутевый» появился за три минуты до отхода поезда – с тремя бутылками «Жигулевского» и блоком болгарской «Стюардессы». Хилый такой мужичонка, дохлый. А глаз горит! Хитрый и бесноватый глаз.

Жена отвернулась и промолчала – было понятно, что стыдно перед попутчиками. Мужичонка вскоре исчез в соседнем купе, прихватив «Жигулевское» и домашние пирожки. Супруга его улеглась спать и тут же захрапела.

Марина и Андрей забрались на верхнюю полку и, обнявшись, стали смотреть в окно. Потом Марина не заметила, как задремала, и, слыша мерный перестук колес, думала о том, какая же она счастливая…

– Ведь так не бывает, да? – шепнула она Андрею.

Он чмокнул ее в ухо и шепнул:

– Бывает. Все бывает на свете, дурачок.

* * *

Приехав, пошли по известному адресу – там в прошлом году полдома снимал Андреев приятель.

Хозяев расхвалил, избушку тоже. До моря минут десять пехом и до центра с кинотеатрами, кафешками, танцплощадками и всей бурной южной жизнью тоже рукой подать. Минут пятнадцать.

Хозяйка комнату им приготовила – ждала. Списались с ней за полгода. Комната была небольшая, но уютная – кровать, тумбочка, платяной шкаф и даже маленький, старый, но все еще пыхтящий «Рекорд». Белоснежное и накрахмаленное белье выдавало в ней чистюлю и аккуратистку. Показала стол на кухне, холодильник и плиту:

– Хотите – готовьте, хотите – ешьте в столовой. За углом. Но там всегда очередя и качество – ну, сами понимаете. В ресторанах, конечно, лучше, но – цены!

– Разберемся, – кивнул Андрей и открыл чемодан.

Хозяйка поняла и быстро удалилась.

– Не болтливая – уже хорошо, – улыбнулся Андрей, вытаскивая из чемодана плавки и резиновые шлепки. – Ну что, копуша? На пляж?

И опять все было прекрасно. Просто сказочно было это «все». И море, и даже пляж с грязноватым песком, усеянный народом. Они вбегали в легкую волну, спотыкались, со смехом падали в воду, ребром ладони устраивали водопадные брызги и… целовались – без стеснения. Потому что до них решительно никому не было никакого дела. Народ играл в карты, пил пиво, лениво переругивались супруги и орали на внуков беспокойные и суетливые бабки.

А влюбленные – были, разумеется, и такие, их братья и сестры по молодому и уверенному счастью, – так же беззастенчиво прижимались друг к другу влажными телами, нежными руками и трепетными губами.

Вечером они ели шашлык, запивая молодым и кислым вином, от которого сводило зубы, потом заказывали черный кофе – крепкий, настоящий, сваренный на песке ленивым восточным человеком с очень неторопливыми движениями и спокойной мудростью в темных глазах.

А дальше была ночь. Все. Больше говорить на эту тему ничего не надо. Просто – была ночь. Без комментариев. А потом – не менее прекрасное утро, дающее надежду и силу на весь последующий день.

Все это продолжалось ровно четыре дня. Точнее, три с половиной. Потому что к вечеру четвертого у Марины уже заболело горло, стало ломить тело, и появились красные пятна на коже.

– Перекупалась? – предположил Андрей.

Она пожала плечами. Он сходил в магазин и принес банку жирной густой простокваши. Густо намазывал ее всю, морщил нос и острил.

– Ох! Сейчас вот горбушечку черненького об тебя! И с лучком!

Холодная простокваша обжигала, и она морщилась от озноба и кислого запаха.

А наутро все стало ясно – никакой это не перегрев, а что-то значительно хуже. Вызвали врача. Немолодая врачиха, осмотрев больную, спросила:

– Ветрянкой в детстве болела?

Марина растерянно пожала плечами:

– Вроде нет. Не помню. Надо позвонить маме.

– Не звони, – вздохнула врачиха и похлопала ее по руке. – И так все ясно. Ветрянка, девочка. Не повезло тебе.

Она все разъяснила и строго-настрого приказала лежать – все думают, болезнь это легкая, игривая. Ан нет – серьезная, хотя и быстро проходит. Но все бывает. Особенно в зрелом возрасте.

– Ну, про зрелый возраст вы, извините, загнули, – улыбнулся Андрей.

– Для детских инфекций – зрелый, – упрямо повторила врачиха. – А вы, кстати, успели переболеть? – Она строго посмотрела на шутника.

– Успел, – вздохнул тот, – я все успел, видите ли.

– Ну, это вам так кажется. – Врачиха встала с табуретки и попыталась утешить больную: – Не плачь, девочка. Все еще будет в твоей жизни – и реки, и моря.

– И океаны, – кивнул Андрей.

Врачиха строго посмотрела на остряка и покачала головой.

– Дай-то бог. Если что – вызывайте!

Марина плакала. Как же она плакала! Как жалела себя, приговаривая, что она невезучая, нелепая, проклятая просто. Вот чтобы так не повезло! Нет, ну ведь это надо. Не просто сопли, кашель или даже сломанная рука. Дурацкая детская ветрянка! Лицо и тело в прыщах, которые к тому же еще немилосердно чешутся – просто руки надо связывать! И надо их мазать мерзкой «бриллиантовой зеленью», зеленкой, проще говоря. Андрей все хихикал по поводу бриллиантовой зелени:

– Бриллиантово-зеленая ты моя!

Очень смешно! И эта пятнистая физиономия – вместо гладкого, шоколадного загара. Ровной персиковой кожи. Выгоревших, с льняным оттенком, волос. Нового купальника, специально для поездки сшитого разноцветного сарафана на тонких лямочках, открывающего смуглые плечи и упругую грудь!

Помятая, мокрая от пота и слез простыня в зеленых разводах. Душная комната, крики жильцов и хозяев, запах баллонного газа и подгоревшего масла с кухни.

И время! Тянущееся сейчас, без моря и ресторанов, вечернего променада по набережной, неистощимых бесконечных ночных ласк, так издевательски медленно, так неспешно и томительно… За что это ей? За ее грех? За то, что без памяти влюбилась? Совсем потеряла свою бедную голову? Связалась с «не своим» мужчиной?

Но его-то грех, если разобраться, куда больше. Он, и только он, «виновник» всей этой истории. Это он соблазнил «невинное дитя» – его, между прочим, слова. А дурацкая ветрянка у нее!

Вот и съездили, отдохнули. Оторвали счастья, нечего сказать. Украли… У судьбы.

Нет! Это у них все украли. Вот как получается.

А Андрей все шутил. Все ему шуточки. Марина стала раздражаться. А кто бы не стал?

Он аккуратно макал спичку с ваткой в пузырек с зеленкой и мазал гнойнички.

– На спину! – командовал он. – Я написал на твоей попе «любимая». Не возражаешь? – продолжал он веселиться.

Она злилась и снова начинала плакать.

– Издеваешься! – кричала она. – Конечно, тебе смешно. И вообще, все это страшно весело!

Он удивлялся:

– Ну не вешаться же по такому поводу. Или тебе бы больше понравилось, чтобы я лег у твоей кровати на пол и рыдал вместе с тобой?

Кстати, спал он теперь на старой, невыносимо скрипучей раскладушке, выданной сердобольной хозяйкой.

Нет. Ей не хотелось, чтобы он лег рядом и рыдал. Разумеется, нет. Но и повода для веселья она как-то не находила. И поэтому обижалась.

А он все никак не успокаивался.

– Нет, ты только представь! – веселился он. – Приезжаю в Москву и рассказываю Толику – вырвался с любимой на две недели на море, а ее свалила – что бы ты думал? Страшная болезнь – ветрянка называется. И лежит моя любимая – нервная, дерганая, злющая, в зеленых пятнах и проклинает меня. И ненавидит все на свете. Класс, правда? Оторвался, нечего сказать!

Марина отворачивалась к стенке и опять злилась и плакала. А однажды не выдержала и бросила сквозь зубы:

– Дурак или прикидываешься?

Он пожал плечами.

– А раньше тебе это нравилось.

Потом ему пришла в голову мысль:

– А ведь это моя бывшая колдует. Как пить дать! Не хочет нашего с тобой счастья. Увы, не хочет.

Хотелось выкрикнуть: «А вот жена твоя меня совсем не волнует!» Или еще покруче: «Да катись ты к ней, к своей бывшей! Она у тебя ангел просто! Святая женщина!» Сдержалась. А ведь придраться было не к чему – ну, кроме его дурацких шуток. Прыгал вокруг нее, то чай, то компот. Приносил из шашлычной теплый шашлык, завернутый в тонкую лепешку подмокшего лаваша. Стирал белье – ее личное и постельное, зелено-пятнистое. Чистил груши, вырезал арбузную мякоть. Успокаивал, шутил, гладил по голове:

– Ты ребенок. И болезнь у тебя ребеночья. Словно дочка моя маленькая!

Хозяйка качала головой.

– Заботливый он у тебя. Аж завидки берут! Мой мне стакан воды за всю жизнь не поднес, – и она бросала горькое: – Тьфу! Сволочь проклятая! Всю жизнь только нервы мотал. А твой…

Марина не отвечала. «„Мой“ – это сильно преувеличено», – думалось ей.

Много о чем она тогда думала. Особенно когда Андрей убегал на пляж – коротенько, правда, на часик: «Купнуться два раза и – к тебе, моя радость! Позволишь?»

Она позволяла. Одной было даже лучше. Без его «милых» шуточек, которые раздражали все больше и больше.

* * *

Теперь у нее была новая кличка – «ягуар». Это, понятно, из-за ее зеленой пятнистости. «И оттого, что рычишь на меня, как хищный зверь», – объяснял он. И ей опять было не смешно.

Хотя все понимала, не дура – ведет он себя правильно, в тоску не впадает, ситуацию из трагической (по ее мнению) пытается перевести в трагикомическую. Подумала – ведь если бы ей такое рассказали, она бы точно повеселилась. Вот подумать только – собирались полюбовнички целый год на море, планы строили, мечтали. А вышло… может, правда – бог не Тимошка? За грехи карает?

Хотя нет. Вот при чем тут бог! Ни в какого бога она, разумеется, не верила. А просто вынесла приговор – несчастливая она и невезучая. Все. И не хотелось быть ни ягуаром, ни бриллиантово-зеленой. Хотелось быть… Самой любимой и самой красивой.

Через неделю новые высыпания, слава богу, появляться перестали. А вот зеленку поди смой. Особенно когда под душем не была черт-те сколько дней. Воду врач запретила категорически.

– Только не чешись! – кричал Андрей. – И не сдирай бога ради. Жди, пока само отвалится. Если сдерешь корку, навсегда останется ямка. Рытвина останется. Отметина. Слышишь, навсегда! На всю жизнь. И будешь рябая, как девка Маланья. Вот кто тебя замуж тогда возьмет, кроме меня? А я, знаешь, не лучший вариант. Уж ты мне поверь. – И все это с очень серьезным лицом. Только в глазах черти скачут.

– А я замуж не собираюсь, – серьезно ответила Марина. – А уж за тебя – тем более.

– Пренебрегаешь, значит, – кивнул он, – не подхожу, выходит. Мордой не вышел, так сказать.

Она села на кровати и обняла коленки руками.

– Ага, – почему-то радостно подтвердила она, – не подходишь. Вот замуж за тебя точно – никогда!

– Ну и слава богу! – облегченно вздохнул Андрей. – Мне, знаешь ли, такая тоже не нужна. Злющая, вредная, пятнистая и к тому же ветреная. На море – с одним, замуж – за другого.

Она кивала – все правильно. На море – с одним, а вот замуж – за другого. Серьезного. Не за такого вот весельчака. Семейная жизнь, знаете ли… Там все серьезно. Не до веселья и прибауток. Все рассчитать, все прикинуть. Чтоб разумно и с холодной головой. А вам, господин хороший, – в клоуны. И зарабатывать будете на репризах куда больше, думаю, чем на своем «Мосфильме». В цирк! Туда вам и дорога.

Он сидел на табуретке, курил и с вниманием, слишком серьезным для него, словно впервые, ее разглядывал.

– Умница, – кивнул он, – все понимаешь про жизнь. Умна не по годам просто. А как же любовь, детка? Что будем делать с ней?

– С ней? – продолжала паясничать Марина. – Вот ведь вопрос. Ну просто вопрос вопросов, знаете ли!

Андрей

Со второй женой он разошелся чуть больше года назад. Причин – видимых – для окружающих не было. Причины знали только они двое. Точнее – причину, и обсуждать ее просто не имело никакого смысла. Ольга была умна, и от этого что-то было совсем легко, а что-то определенно тяжелее.

Она все понимала – пожалуй, с самого начала их так называемого романа. Сложно все было, сложно. После развода с первой женой, Жанной, Андрей долго маялся один – почти шесть лет. Хотя какой там «один»! Вот уж смешно, ей-богу. Первый развод, кровавый, нервный, «традиционный» такой, надолго отбил

желание создавать следующую семью. Гулял он и отрывался, что называется, в полный рост. Вереница любовниц, подружек, случайных попутчиц была бесконечной, такой обширной и беспокойной, что он просто устал. И тут Ольга. Ему тогда показалось, что это именно то, о чем он мечтал всегда, всю свою дурацкую жизнь. Да-да, именно так – милая, интеллигентная, вполне хорошенькая, чуть перезрелая и чуть «засидевшаяся» женщина. Не юная, но и не искушенная в любовных делах – это было очевидно. Недавно с трудом выкарабкавшаяся из тяжелого и нудного романа с каким-то маменькиным сынком, где абсолютно все было категорически бесперспективно.

Квартира на Старом Арбате, в Староконюшенном. Столовая с овальным дубовым столом под тяжелой скатертью и абажуром (наследство от прабабушки). Суп подавался в супнице («Нет, мы не аристократы, – оправдывалась она, – просто… Так привыкли»). Салфетки были только полотняные – бумажных не признавали. Бульон подавали в бульонницах – больших чашках с подставками. В квартире, кроме Ольги, проживали отец (переводчик немецкой поэзии), мать (тоже филолог) и старенькая бабуля, полуслепая, но крепко держащая хозяйство семьи в худеньких, всегда дрожавших руках.

Его потрясло количество книг – в старых, до потолка, книжных дубовых шкафах. Старая мебель – «присядь на козетку, я пойду поставлю чай»… Бюро из палисандрового дерева, за которым работал Ольгин отец. Ручная мельница для кофе – из Тифлиса, в конце девятнадцатого ее привез прадед. Костяной веер, которым в жару обмахивалась бабуля. Серебряная хлебница («Варшавского серебра, никакой ценности, отец привез в конце века из Польши», – объясняла старушка).

Ольгина мать – в шали, с очками на носу, правящая тексты своих нерадивых авторов.

Бабулины куличи с цукатами на Пасху. Жареный гусь с яблоками на Рождество. Неторопливые разговоры, обращение за столом – «позволь», «если тебе не трудно», «благодарю, все было замечательно вкусно»…

Сначала Андрей растерялся – в его семье ели, что называется, «с газетки». На кухонном столе лежала клеенка с завернутыми внутрь краями. Мать готовила быстро, на скорую руку – борщ варился на неделю. Мясо тушилось в утятнице – тоже на пять-шесть дней. Хлеб подавался на той же доске, где и нарезался. К чаю покупался немыслимый кремовый торт, который никогда не съедался и

через пару дней с тяжелым материным вздохом отправлялся в помойку.

А Ольгина бабуля первое готовила на два дня – максимум. И покупные сладости не признавала – как можно есть этот крашеный маргарин?

Ежедневно к ритуальному вечернему чаю она пекла тонюсенькие слойки с вареньем, коричные коржики или ореховое печенье. И чай заваривался в старом фарфоровом чайнике, настоящем китайском, «правильном» – с облезлыми малиновыми драконами.

Родственники Ольги обращались к нему на «вы». Здесь было не то чтобы уважение, скорее черта – ты чужой, не наш, и мы тебе не очень-то верим.

Впрочем, он почти не сомневался – Ольгу они от этого брака не отговаривали. Здесь уважали чужое решение, и было свято невмешательство в чужое личное пространство.

Поселились они в узенькой «девичьей» Ольгиной комнатке. Диван, письменный стол, стул, книжный шкаф. Свадьбу не справляли – к чему? Только семейный ужин в тесном кругу. Родители жены подарили на свадьбу поездку в Питер. Походите по музеям, сходите в Мариинку. «Ты, Ольгуша, не была в Питере уже три года!»

Из Питера они и «привезли» Ксюшу.

Внучку и правнучку все обожали – уже почти и не надеялись на такое счастье!

Ему даже показалось, что ему за Ксюшу «все простили». Правда что? Тогда еще и прощать было нечего. Почти нечего.

Над Ксюшей вились все четверо ежеминутно. Андрею доверили только воскресные прогулки («Не больше двух часов, следите за погодой и ветром, трогайте носик, не по тротуарам – ни-ни! – подальше от машин, только зеленые дворы»).

Он выкатывал коляску с дочкой и шел по Арбату. Ему казалось, что он вырвался из темницы на волю. Глазел на витрины, ел мороженое, останавливался около

только что появившихся бродячих музыкантов.

Однажды его «засекли» – теща пошла в булочную – и от прогулок с дочкой отстранили («Вы, Андрей, больше не вызываете у нас доверия»).

Ольга словно забыла про него – дочка, поздняя и такая долгожданная, захватила ее полностью. Ее волновало теперь только купание в череде, прокипяченное масло для смазывания кожи, ватные тампоны, которые она с остервенением крутила каждый вечер – для глазок, ушек и прочих мест.

На кухне висели пеленки, которые усердно кипятились круглые сутки в огромном эмалированном баке. Андрея заставляли натирать на крупной терке детское мыло для кипячения и мыть детскую ванночку – все, что ему смогли доверить.

Ему казались отчаянной глупостью все эти манипуляции – например, проглаживание распашонок и ползунков с обеих сторон и кипячение упавшей на пол соски. Он вспоминал беспечность своей первой жены и рождение их сына. Ничего такого не было и в помине. Ничего не кипятилось сутками… Они оставляли сына на глуховатую соседку и убегали вечером в кино. Соседка спала, а мальчик, оторавшись и словно поняв безнадежность этого предприятия, тоже засыпал.

Правда, тот брак тоже спасти не удалось – но совсем по другим причинам.

– Слушай, – сказал он однажды Ольге, – мне кажется, если я уйду, никто из вас этого даже не заметит. Ты так не думаешь? Мавр сделал свое дело, мавр может уходить. Или не так?

Жена попыталась спорить, но как-то вяло. И он утвердился в своих сомнениях.

И еще… Интимная жизнь у них тогда кончилась. Оборвалась – совсем. Ей было не до этого, хотя… Андрей снова вспоминал Жанну. Глупо, конечно. Все равно разлетелись, разбежались, ни сын не спас, ни взаимная страсть. А тут другое, но тоже, знаете ли… Ни Ольге это было не надо, ни ему. Он смотрел на жену в байковом халате, в сатиновом лифчике («Для кормящих матерей, Оля! Тебе это просто необходимо»), с кое-как схваченными в небрежный хвост волосами – заполошную, в вечной тревоге, суетливую и довольно бестолковую, и думал: «А

на фига? Вот на фига мне такая жизнь? Ни я никому, ни мне – никто. В смысле – не нужен».

Дочка, хорошенькая, толстенькая девочка, похожая, кстати, на его мать, смотрела на него голубыми глазенками и, казалось, тоже удивлялась – кто это и что он тут делает?

Андрей отлично понимал, что дочка тоже не заметит его отсутствия, как и все остальные. А может, даже вздохнут с облегчением – на один рот меньше. Подавать ему, стирать, убирать, гладить. Одни хлопоты, а толку от него…

Хотя, справедливости ради, надо сказать, что дурного слова от «святого семейства» он никогда не слышал, а вот пренебрежение и легкую досаду – а зачем он здесь? – чувствовал.

Все решила одна ночь. В жаркий август родители жены остались на даче с полуторагодовалой внучкой. Отпустили, так сказать, молодых в трехдневный отпуск.

«Последняя попытка», – подумал Андрей. Но крепко ошибся. Ольга, не снимая любимого «старушечьего» халата в коричневых розах (бр-рр!), не вымыв голову, уселась с ногами на диван и принялась грызть орехи.

Он смотрел на нее краем глаза и слушал невыносимое щелканье ореховой скорлупы. Она уставилась в телевизор – там шла запись симфонического концерта. Андрей не выдержал и ушел к себе. Ольга пришла ночью, сбросила халат, надела ночнушку (и это в душную, непроходимо душную летнюю ночь!), густо смазала руки вазелином и залезла под одеяло, коснувшись его ногами в теплых носках.

Он, пытаясь побороть какую-то брезгливость, дотронулся до ее плеча.

– Давай завтра, а? – виновато попросила она. – Очень спать хочется.

Он отвернулся.

– Ты обиделся? – спросила она.

– Нет, что ты, – спокойно ответил он.

И еще подумал: «А „завтра“ уже не будет. Жить с женщиной и не желать ее – боже, какое убожество и наказание!»

Утром, когда они сели завтракать, он сказал:

– Слушай, Оль! Я, наверное, уйду. – И добавил: – Думаю, никто не расстроится и волноваться за мою судьбу не будет.

Ольга пила кофе и глаз на него не поднимала.

– Ну, если ты решил… – тихо сказала она. – Думаю, уговаривать тебя нет смысла.

Он кивнул.

– Точно, нет. – И вышел из-за стола, не забыв поблагодарить за вкусный завтрак.

Пока он собирал свои нехитрые пожитки, жена топталась на кухне.

– Я пошел, – крикнул он, отпирая входную дверь. – Ключи оставляю на комоде.

Ольга вышла из кухни, печально посмотрела на него и сказала:

– Пока. Звони, если что.

– Если что, – кивнул он и вышел на лестничную клетку.

Выйдя на улицу, душную, не успевшую остыть даже после ночи, он остановился, глубоко вздохнул и почувствовал такое невыразимое облегчение… Немножко похожее на счастье.

Он приходил к дочке каждую субботу – на пару часов. Встречали его тепло и всегда предлагали обед или чай. Он видел, что облегчение от его ухода посещало всех членов семьи. И даже, пожалуй, вызвало – впервые! – ничем не

объяснимую симпатию.

Ольга чмокала его в щеку и куда-то торопилась. А через полтора года вышла замуж – за какого-то отцовского коллегу. Муж был приезжий, свердловчанин, ученый муж в бифокальных очках и при окладистой «поповской» бороде. Смешной чувак, в общем. Он горячо жал приходящему отцу руку и предлагал «располагаться поудобнее». И еще очень смущался, когда Ксюша путалась и называла его папой – при родном отце.

Кстати, смущались от этого все – и бывшие тесть с тещей, и сама Ольга. А ему было до фонаря – ну, папа так папа. Что ребенку морочить голову? С кем живет, тот и папа. Кто растит, тот и отец. И вскоре Ксюша начала называть его Андреем.

* * *

Уйдя от Ольги, Андрей снял у знакомых, уезжавших в Монголию, однокомнатную квартирку в Беляево. За сущие копейки – квартплата и еще что-то совсем символическое.

Он думал, что вот сейчас, вновь обретя неограниченную свободу, пустится во все тяжкие. Ан нет. «Тяжкие» остались в прошлом. Совсем не хотелось этих «тяжких». Да и все это было так скучно и так неинтересно, что от тоски просто сводило скулы. К тому же – обременительно, да и годы не те – тридцать три, знаете ли… Пора и о душе подумать.

Вот тогда появилась эта девочка, Марина. Двадцать лет. Студентка. Живет с мамой и собакой Тихоном, пушистой дворнягой среднего роста и очень буйного нрава.

Они и познакомились на улице – этот самый буйный Тихон сорвался с поводка и бросился на проезжую часть. Девушка закричала, а Андрей ловко наступил ногой на поводок и этим Тихона урезонил.

Они пару раз сходили в кино, погуляли по улице, посидели в кафе, и Марина пришла к нему.

В ту же ночь она осталась.

И тогда ему показалось, что все снова стало интересно.

Интересно прикасаться к ней, снять с нее плащ в прихожей, проведя рукой невзначай по узкой спине. Интересно пить с ней вино и даже чай на кухне. Интересно смеяться, грустить, кого-то обсуждать, чем-то делиться.

Интересно и очень волнительно ждать, когда она выйдет из душа и юркнет к нему под одеяло. И тихо спросит:

– Скучал?

Интересно проснуться и увидеть ее волосы, разметанные по подушке. И узкую тонкую ступню, коснувшуюся холодного пола, – так она спала, свесив одну ногу.

И пить с ней утром чай тоже было интересно.

И даже скучать по ней было интересно. Вот какие дела.

* * *

Андрей вспомнил свой разговор со Степкой – лучшим и единственным другом. Посиделки начались как всегда – сварили картошку, покрошили в кастрюлю чесночку, нарезали репчатого лука и нажарили «столовских» котлет из кулинарии – плоских и бледно-розовых, размером с мужскую ладонь.

Разговор шел «за жизнь» – обычный мужской треп. Про работу, политику, газетные статьи, прочитанные и непрочитанные книги и, разумеется, про «бабс».

Андрей, как всегда, пьянел быстро и все пытался разобраться в «вопросах, в которых разобраться не может никто». Степка, человек без рефлексий, спокойный, по словам друга, как мамонт, в который раз пытался объяснить, что все его «страдания» по поводу вопроса полов не стоят и ломаного гроша.

– Все просто, как рыболовный крючок. Главное – определиться. Что для тебя самое главное.

Он, Степка, это понял довольно быстро – годам к тридцати. «Нашлявшись и нахлебавшись» по полной, до демаркационной линии – он проводил ребром ладони по горлу, – вдоволь накушавшись страстей с роскошной («Нереальная баба, ты мне поверь!») блондинкой по имени Инна, однажды чуть не выскочив из окна родительской квартиры на двенадцатом этаже и через три месяца женившись на тихой и скромной учительнице младших классов Наташе.

На свадьбе друга потрясенный Андрей все пытался понять, чем зацепила ловеласа и бабника Степку тихая и ничем не приметная невеста. Понять пытался, а ничего не выходило. Наташа была типичной серой мышкой – ни лица, ни фигуры, ни блеска в глазах. Ни даже намека на пусть крошечную, но тайну.

У них это называлось «без изюминки». И не по залету – Степка, врач и просто очень осторожный человек, такого не допустит. Жених был вполне доволен и несчастным не выглядел. Пил и ел с удовольствием, плясал с невестой и новоявленной тещей, которая явно не могла прийти в себя от свалившегося на их скромную семью «огромного человеческого счастья».

И зажили они вполне прилично – без скандалов, взаимных претензий и обид. Родили двух девок, и Степка оказался трепетным отцом.

Наташа прекрасно вела дом – всегда чисто и всегда есть обед. Муж обихожен, девочки тоже. Копили на машину, строили избушку на шести сотках. Все ладком да мирком.

Степка поправился, отпустил «трудовую мозоль» в виде небольшого брюшка и с умиротворением взирал на окружающий мир. И вот тогда, в тот вечер, под картошечку с чесночком, он все Андрею и объяснил.

Главное – понять, при каких обстоятельствах ты будешь счастлив. Ну, если без пафоса – просто доволен. Итак. После всех перипетий и коллизий он, его мудрый друг, понял: страдание не есть смысл жизни. И ее, жизнь, надо строить и планировать, иначе пропадешь. Утонешь, погибнешь, захлебнешься. Страстями жить нельзя, невозможно. Да и сама по себе страсть – продукт скоропортящийся. Основа семьи – уважение и братство. Схожесть взглядов и

совпадение биополей.

– А как же любовь? – удивился Андрей.

Степка раздраженно мотнул головой.

– При чем здесь любовь? Достаточно просто хорошего отношения.

– Ну, знаешь ли… – усмехнулся Андрей, – я вот прекрасно относился к Ольге. Прекрасно! И уважал, кстати. Только вот спать с ней не мог. Не хотелось, понимаешь? «Братство» в таких случаях, знаешь ли, только помеха. Вот о чем ты разговариваешь с женой? – с ехидцей поинтересовался он. – Есть темы для разговоров? Ну, это я про совпадение взглядов и биополей.

Степка пожал плечами:

– О даче, например. Сколько завезти вагонки и как строить веранду. О дочках – что у них в саду и в школе, какие купить книжки и куртки на осень. Про болезнь тестя. Про будущий отпуск. Где купить мясо. О жизни, мой друг, о жизни! Именно той, которую мы проживаем каждый день и каждую минуту. Здесь и сейчас. Просто я понял, с какой женщиной надо проживать жизнь – с верной, терпеливой, прощающей. Хорошей матерью, невесткой. С другом, который никогда не предаст и не подставит. Я понял, а ты, видимо, нет.

– А спишь ты с ней как? Тоже по-братски? – ухмыльнулся Андрей.

– Да все нормально там, не волнуйся. Когда хорошо относишься к женщине, знаешь ли…

– Не знаю, – ответил он. – И эти твои постулаты, видимо, не для меня. И еще вопрос – а как же любовь? Ее ты совершенно списываешь со счетов?

– А кто тебе сказал, что я не люблю жену? – удивился Степка. – Я очень и очень, слышишь, хорошо к ней отношусь.

– Умница ты, – закуривая, кивнул Андрей. – А я и не подозревал, что ты такой рассудительный.

– Осуждаешь, а зря. На себя оборотись, – мрачно посоветовал друг. – Твой первый брак – по любви, так?

Андрей молчал, опустив голову.

– Ну, уж по страсти – точно! Помню тогда тебя и Жанку твою. Отлично помню. Как глаза у вас горели синим пламенем. Как вы в гостях в ванной запирались, уже будучи супругами. Как бешено ревновали друг друга, кидаясь тяжелыми пепельницами. Как ссорились – навеки, навсегда. Как ты страдал и ревел, когда вы наконец, измучив друг друга окончательно, разошлись. И как потом ты по ней сох и тосковал. И что в итоге? В остатке – что? Потом ты ее возненавидел. Запрезирал просто. И она в позу – ни тебе ребенка, ни тебе жалости. Пошел вон из моей жизни! Дальше – Ольга. От обратного. Казалось бы… Все то, о чем ты мечтал. Родители – не Жанкина мамаша, буфетчица на вокзале. Дом, семья, традиции, устои. И? С Жанкой ты спал с удовольствием, зато не мог по-человечески жить. С Ольгой ты мог жить как человек, зато не мог спать. Знаешь ли, милый мой, все сразу и навсегда не бывает. Ну, не могут совпасть все составляющие успеха! Так что придется сделать суровый выбор – жить по-людски или…

– Да брось ты! – отмахнулся Андрей. – Вывел, блин, формулу! Умник такой. А жить с женщиной в любви, уважении и еще к тому же и желать ее – так не может быть?

– Может, – кивнул Степка, – но крайне редко. Исключительный случай. И не про нас, как говорится.

– Почему не про нас? – удивился Андрей.

– Потому что не заслужили, – коротко ответил лучший друг.

* * *

Первый Андреев брак был абсолютно безголовым и сумасшедшим. И совершенно верно и точно препарирован и оценен Степаном.

Жанка, яркая смуглянка, красавица брюнетка с голубыми глазами и фигурой Мэрилин Монро, досталась ему, как тогда казалось, случайно и не по заслугам. Познакомились они на море – он студент, московский мальчик, она – казачка из кубанской станицы. Все различия между ними были не просто видны, а бросались в глаза. Когда она приехала к нему в столицу и сказала его матери, кивнув на привезенные в качестве гостинца помидоры:

– Ложьте в газету, – мать с испугом посмотрела на него.

– Украинизмы, – объяснил Андрей, – не обращай внимания, исправится.

Но, и переехав в столицу, Жанка исправляться не желала. Сначала было смешно. Раздражать стало гораздо позже. Его мать она стала сразу называть на «ты» и «мамой».

Мать, учительница музыки в Гнесинке, каждый раз вздрагивала и старалась не показывать невестку консерваторским подругам. Жанка была шустрой и по-деревенски небрежной. В понедельник варила огромную кастрюлю борща и не понимала, почему муж отказывается есть борщ на завтрак, как делали ее отец, дядья и братья. Сытно и быстро! Муж привык завтракать яичницей, сыром и чашкой кофе, а Жанка упрямо разогревала борщ и ставила перед ним глубокую тарелку. И опять – сначала было смешно, а потом… Однажды он грохнул эту тарелку об пол. Жанка не задержалась и грохнула кофейную чашку.

Мать боялась выйти из своей комнаты.

Ругались они страшно, до хрипа. А мирились всегда так сладко и громко…

Короче, бедная мать! Нервы ее не выдержали, и скоро она съехала к сестре на Полянку. Объяснила, что жить в таком ритме не может.

А они облегченно вздохнули и принялись бить посуду, орать и мириться с удвоенной силой – практически без оглядки. Когда родился Санька, отношения совсем разладились. Сын орал ночи напролет, Жанка падала с ног, Андрей торопливо и трусливо просачивался за дверь и сбегал из дому.

Теперь жена орала, что Андрей ей не помогает, сын ему до фонаря, и вообще вся эта жизнь ее достала дальше некуда. Москву она справедливо ненавидела за толпы спешащего и неприветливого народа, за очереди, толчею, хамство, мороженое мясо и отвратительную погоду. Тосковала по родному поселку, теплу, морю и спелым фруктам.

Помогать с ребенком приехала теща. И вот тогда начался настоящий ад. Теща, привыкшая рулить в семье, лезла во все щели, делала замечания, поносила его мать, попрекала зарплатой и считала, что он испортил жизнь ее дочери. Впрочем, здесь она была недалека от истины. В тот год они окончательно измотали друг друга и почти возненавидели.

Его даже раздражала пышная и душная красота жены. И даже ее тело, всегда столь желанное, податливое и такое отзывчивое, перестало его волновать. В один миг – как отрезало.

Через четыре месяца теща увезла дочку с внуком домой. Считалось – на лето. Но было понятно, что Жанка в Москву не вернется.

Так и получилось. И, надо сказать, после ее короткого звонка: «Не жди, не приедем», – Андрей испытал огромное облегчение. Развелись они «по его неявке в суд». Жанка тогда же подала на алименты и приезжать к сыну запретила.

– Не заслужил, – коротко объяснила она.

Андрей позвонил тетке и сказал, чтобы мать собирала вещи. Перевез он ее в тот же вечер и долго просил прощения. Она молчала, тихо плакала и гладила его по голове. Сказала одно:

– Больше я подобного не переживу. Можешь быть в этом уверен.

Через пять дней Андрей снял комнату на Остоженке у приличной старушки, Гортензии Павловны. В одной жила сама хозяйка, а маленькую семиметровку сдавала, «чтобы позволить себе удовольствия. На пенсию, знаете ли…». Удовольствия Гортензии были гастрономического свойства – тортики, пирожные, шоколадные конфеты и деликатесы в виде судака в желе или печеночного паштета.

– Какая же я транжира! – пугалась она, выкладывая покупки на кухонный стол. И печально, словно оправдываясь, добавляла: – А что у меня осталось в этой жизни? Какие удовольствия? И только вот эти! – И с любовью и предвкушением принималась распаковывать коробки и развязывать свертки. Потом стелила пожелтевшую скатерку с кружевом по краям, ставила тарелку старого фарфора и раскладывала серебряные приборы, и варила в старинном кофейнике кофе. Красиво располагала принесенные яства, недолго с умильной улыбкой любовалась натюрмортом, включала телевизор и начинала трапезничать.

Квартиранта к столу приглашала, но он всегда отказывался, а она и не настаивала. Андрей со смехом интересовался, не влияют ли на аппетит последние новости. Старушка отвечала:

– А я и не слушаю! Это для фона. И потом, такая прелесть эти эклеры! Разве что-нибудь может мне испортить впечатление от них?

После еды она засыпала там же, за столиком, в глубоком кресле, под звук телевизора. И на лице ее было написано, что жизнь прекрасна.

Иногда Гортензия «впадала в благость» и пускалась в воспоминания. Это было бы весьма забавно, если бы истории не повторялись день ото дня. Замужем она не побывала – ни разу за всю свою долгую жизнь. А вот «сердечных» друзей имела. Почти до самой старости. Говорила, что все ее мужчины были прекрасны и звали замуж, но «оков и якорей» ей не хотелось. Присутственные дни любовникам она определяла сама, от помощи не отказывалась, а вот подарков не требовала – говорила, что просили тогда только содержанки, коими быть было зазорно. Детей не хотела, жила как птичка божья. И говорила, что, если предложат новую жизнь, с листа, выберет точно такую же.

– А немощи не боитесь? Болезней? – удивленно спрашивал Андрей.

Она легко отмахивалась.

– А что изменится, если я буду дрожать в ожидании плохого? Только приближу это плохое. Будет день, будет пища. Там и буду решать, как быть. А здоровье у меня отменное. Грех жаловаться.

И вправду – из лекарств у Гортензии были только мятные капли и спиртовая настойка для коленей.

– Скрипят! – очень удивлялась она.

Умерла старушка на лавочке у подъезда, куда присела отдохнуть в теплый майский денек, держа в руке авоську с кефиром и сдобными булочками. Присела, задремала и… Больше глаз не открыла, пока не хватился дворник.

После похорон, которые устроил и оплатил Андрей – у Гортензии не нашлось ни рубля заначки, – с квартиры пришлось съехать.

Тогда у него был роман с прекрасной женщиной, телеведущей. Она делала яркие и необычные для того времени программы – встречи с забытыми актерами и режиссерами. Умница была и красавица. Уставала как проклятая, но всегда была в хорошем настроении. Ему было интересно с ней. Она остроумно и весело рассказывала телевизионные байки. Андрей переехал к ней, но совместная жизнь не удалась. Она, одиночка по натуре, уставала от его присутствия в квартире. Он это чувствовал и через пару месяцев съехал, вернулся к матери. Друг от друга они успели отвыкнуть и теперь явно друг другу мешали. Андрей подумывал о том, чтобы занять денег и вступить в кооператив. Пусть у черта на куличках, у Окружной, пусть с крошечной кухней и комнатой, но все же свое, отдельное жилье. Да и матери хлопоты не по годам – ее тоже следовало оставить в покое.

Мать обрадовалась и даже не смогла этого скрыть. Сказала, что половину суммы на первый взнос даст – деньги лежат на книжке. Вторую половину обещал Степка – у его кропотливой жены была, разумеется, приличная заначка. Мать, разумеется, о возврате долга и не думала. А вот Степкина Наташа… Подробно оговорила сроки и порции, которыми он будет отдавать долг. Степан смущался и пытался предприимчивую супругу остановить, но Наташа, мышка тихая, так на него зыркнула, что верный друг удалился на балкон – покурить.

Вот тогда Андрей и понял, кто рулит в семейке друга. И даже стало смешно – вот ведь бабы! Все под себя выкрутят. Причем – любые. И шустрая Жанка, и тихоня Наташа. Но предстояло еще в этот кооператив вступить. Иметь на руках деньги – это совсем не все. Помочь взялась его милая телевизионщица, связи которой были, разумеется, безграничны. Почти все вопросы были решены.

Оставался прием у кого-то большого и важного и его последняя, решающая подпись.

И тут случилась трагедия… Телевизионщица разбилась в машине. Мгновенная смерть. Молодая, прекрасная, талантливая…

Андрей не любил ее, нет. Просто был влюблен. Просто восхищался ею. Безмерно уважал и ценил. Но сам факт, вопиюще несправедливый, кошмарный, нелепый, надолго выбил его из колеи.

По ней искренне плакали многие – светлый была человек, что правда, то правда.

С квартирой, разумеется, все сорвалось – не до того было. Да и при чем тут квартира… Когда нет человека – молодого, яркого и просто хорошего.

Он еще долго ездил к ее старенькой маме, которую очень скоро забросили друзья, мужья и любовники дочери. Возил продукты, пил чай – до самой ее смерти. Так он расплатился за дочкину любовь к себе, за все то хорошее, что успела она ему дать. А успела она многое.

* * *

Степке нравилась Марина. Но он сказал честно – не потянешь. Слишком молода и слишком хороша.

– Не заслужил? – обиделся Андрей.

– Да не в этом дело, – отмахнулся друг. – Пятнадцать лет – огромная пропасть. Даже сейчас. А уж в дальнейшем… И говорить нечего. Ей нужно рожать. А тебе дети не нужны – двое уже болтаются без папаши. У нее куча желаний и планов. А ты уже усталый, заезженный конь. Борозды не испортишь, но и свежую не вспашешь. Сам знаешь – чего обсуждать. И жизнь ее молодую и прекрасную губить как-то несправедливо. Неправильно как-то. Это ты ведь рисуешься перед ней, бьешь копытом – шустрый, остроумный, все ему шуточки, все легко. Балагур и весельчак. Хохмишь без перерыва. Гоголем ходишь. А в душе – подпол сырой. И еще – пустота. – Он помолчал, а потом добавил: – Да и бросит она тебя к чертовой матери. Годика через три. Ну максимум через пять. Да и то оттого, что

бабы – народ жалостливый. А ты после этого вообще костей не соберешь. Сопьешься или просто от тоски сдохнешь.

Они долго молчали, а потом Андрей бросил:

– Посмотрим!

Степа не стал уточнять, что его приятель имеет в виду – на всякий случай.

Марина

– Только не сдирай болячки! – умолял Андрей. – Сдерешь – останется след. На всю жизнь. Ямы останутся будь здоров какие. – И он демонстрировал ей свое плечо с содранной в детстве ветряной коркой.

Она смотреть не желала – отворачивалась.

А наутро он увидел, как она перед зеркалом ковырнула ногтем – болячка отвалилась и на лбу, над правой бровью, показалась светлая, неровная ямка молодой кожи.

– Умница! – разозлился он. – Вот и ходи теперь рябая.

Она хмыкнула, повела плечом и стала кидать в сумку полотенце и купальник.

– И куда это мы собрались? – желчно осведомился он. – Уж не на пляж ли? Погреть свое божественное тело?

Она ничего не ответила, набросила сарафан, взяла сумку и, громко хлопнув дверью, вышла на улицу.

– Финита ля комедь, – пробормотал он и лег на диван.

Жалобно и протяжно завыли диванные пружины.

Жизнь почему-то ему совсем разонравилась.

Марина долго сидела на берегу и просто смотрела на серую, неприветливую поверхность воды. «Вот тебе и синее море», – подумалось ей.

Было довольно прохладно. Погода портилась, и к вечеру обещали дожди.

Ее немного познабливало, и идти в воду совсем не хотелось. В голове было пусто, и пусто было на сердце. Куда же все подевалось? Господи, как она ждала этого лета! Как мечтала об этой поездке! До последнего дня, до самого отправления поезда не верила, что все это сбудется. Как она представляла себе весь год, перед сном, закрывая глаза в блаженном мороке! Маленькая уютная комнатка с видом на море. Ветер, пахнущий соленой водой, колышет легкие занавески. Она лежит у Андрея на плече – легкая, необременительная и, разумеется, прекрасная. Молодая, красивая, нежная. Тонкая – в прямом и переносном смысле. Умная. Лучшая из всех его женщин. И ни одного дурацкого вопроса про будущую жизнь. Ни одного!

Она так хороша, что у Андрея захватывает дух от мысли, что эта женщина принадлежит ему. Только ему. Она любит его и так ему предана… Как могут быть любимы, преданы и верны только лучшие женщины планеты.

Они тихо о чем-то переговариваются. Или молчат. И молчание их вовсе не угнетает. Потому что… Потому что им хорошо вместе всё – ехать в душном и неряшливом поезде, пить чай или грызть яблоко, смотреть в окно. Молчать. Смеяться. Любить друг друга. Просто – быть вместе.

Он, разумеется, ею любуется – напрямую и исподволь. Но она все равно чувствует его восхищенный взгляд.

Он говорит ей нежные и совсем неизбитые слова: «Умница моя. Девочка. Разумныш мой маленький. Точечка моя». В смысле – точка вселенной. Он объяснил это так. «Золотая моя девочка», – и так он ее называл. Нет, конечно, были слова и совсем избитые: «Заяц, малыш, рыбешка золотая». Но… В его устах это совсем не звучит пошло. Потому что он не пошляк. И все влюбленные говорят затертые и глупые слова – так у влюбленных принято. Но менее приятно от этого не становится.

А она – уже загорелая. «Слушай, впервые вижу, чтобы кожа не краснела и не облезала! Нет ли у тебя, часом, мулатов в генеалогии?»

Да, вот так, загорелая, посвежевшая, глаза особенно ярки на фоне смуглой кожи. И губы чуть припухли – ну, понятно, отчего. И талия, и грудь, и ноги… И тоненькая соблазнительная полоска купальника, под которой нежная и светлая кожа…

Он осторожно проводит пальцем по этому переходу – от светлой кожи к уже загорелой, и на его лице мука: «Пойдем домой, а, малыш? Или лучше побежим!» Она смеется и качает головой: «Перебьешься!» И чувствует свою власть. Власть над ним. Над мужчиной – взрослым, сильным, умным и красивым.

И ничего нет слаще этой власти, ничего!

Но не получилось – ни прекрасной и смуглой возлюбленной, ни нежных и сумасшедших ночей, ни моря, ни песка, ни тоненькой полоски незагорелой кожи.

Ничего не получилось. Одна досада и раздражение. И одно желание – поскорее расстаться. А поди попробуй! Билеты не обменяешь. Еще вовсю сезон – конец августа. Никаких билетов – без вариантов. А это значит, что предстоит прожить вместе еще десять дней. Разговаривать. Или не разговаривать. Что совсем глупо и трудно. Вместе есть яичницу, пить чай. Резать арбуз. И отворачиваться к стенке. «Слушай, так жарко! Может, ляжешь на раскладушку?»

Он усмехнется и переляжет – не дурак. И Марина будет слышать, как он выходит на крыльцо и чиркает спичкой. И в темноте южной ночи будет ярко вспыхивать красная точка сигареты.

А потом они сядут в поезд и снова станут молчать. И это будет совсем непросто. И смотреть в окно, уже ничего не обсуждая – ни пейзаж, ни полустанки, ни случайных попутчиков, ни хамство проводницы. Ни дальнейшие жизненные планы.

А в Москве, на перроне, она постарается «сделать вид» – улыбнется, чмокнет его в щеку и предложит «созвониться», поспешив в метро.

А он усмехнется и наверняка схохмит: «Ну, если не пожениться, то хотя бы созвониться».

И все это закончится, как только она спустится в подземку. И уже тем же вечером, приняв наконец «человеческий» душ, облачившись в любимую пижаму, с чашкой маминого сливового компота усевшись в любимом кресле, она вдруг так отчаянно затоскует, почти завоет, и наконец задаст себе вопрос – почему?

Почему все так?

И ответа, разумеется, не найдет.

* * *

Марина встала, отряхнула колючие песчинки, одернула сарафан и, тяжело вздохнув, побрела с пляжа. Немного побродила по шумным улицам, пахнущим чуть пригорелым от сладкой ваты жженым сахаром и душным распаренным зазывным южным вечером, и пошла к дому. Андрей лежал на кровати и читал потрепанную книгу. Махнул рукой, приветствуя ее.

«Обиделся», – подумала Марина, и это совсем ее не тронуло.

На столе стояла сковородка с засохшими остатками яичницы, шкурками от колбасы и хлебными крошками. Она поморщилась. На полу валялись мокрые плавки и полотенце.

– Нагулялась? – осведомился Андрей.

Она не ответила и легла на раскладушку.

– Ну, и каковы наши успехи? – поинтересовался он. – Сколько разбитых сердец, сколько поверженных молодых и мускулистых тел?

– Не надоело? – спросила она.

– Мне – нет, – покачал головой он. И добавил: – В отличие от тебя. Есть будешь, Ветрянка?

Она отвернулась к стенке.

– Ну, помирай с голоду, легкомысленная и ветреная дочь Ветра.

– Шут! – крикнула она. – Шут гороховый! Ну, сделай вид, что все прекрасно. Сделай вид, что все у нас замечательно. Сделай вид, что ничего не произошло. Ненавижу тебя! За шуточки твои дурацкие и за… – Она обвела взглядом комнату. – Вот за все это!

Он удивленно приподнял бровь.

– А что, собственно, произошло, зайка? А, понял! – продолжал юродствовать он. – Море оказалось не синее, а серое. К тому же – грязное-пенное, мутное. И еще соленое. И песок оказался не белым и нежным, а серым, колючим и – извини – откровенно засранным. И персики не так сочны и сладки, и вино не терпкое, а кислое и… такое вот здесь, матушка, вино, – притворно тяжело вздохнул он. – И комната наша убога. Как тут не согласиться? И эта пыльная марля на окнах… И никакого вида на безбрежное море. Никакого! Потому, что «с видом» дороже и все разобрано, увы! И любовник твой – прости – тоже немолод и довольно беден. И еще зануден, неряшлив и… довольно потрепан. Как местный курорт, местный базар, тутошний ресторан и наше временное гнездо. Словом, не так прекрасен, как ты себе рисовала. В своей красивой и юной головке. Вот и ты, любимая, впервые столкнулась с тем, к чему так трудно привыкать, – с разочарованием и крахом надежд. Ничего, привыкнешь. Куда деваться? Вот тогда и вспомнишь своего неловкого бывшего возлюбленного. Или не вспомнишь. Тоже не беда. А если вспомнишь – поймешь. Хотя, конечно… такого «оптимиста», как я, – еще поискать. Ну, что поделаешь – каков есть. Такая данность! Зато легче жить. Хотя тоже – вопрос… А ты, детка, совсем далека от реальности. Женщины такие фантазерки! Особенно молодые. Даже те, которые кажутся себе очень умными. Кстати, не только себе – и окружающим тоже. Да, милая! Есть прекрасные страны, бирюзовые моря, седые пески. Хорошее шампанское. И прохладные комнаты с шелковистым бельем и пушистым ковром. Есть, моя дорогая! Только в другой жизни. Которая, увы, – не про нас. Знаешь, где прекрасен антураж, там и живется «попрекрасней». Ну, уж повеселее точно. А нам остается радоваться всему этому, – он обвел рукой комнату. – Радоваться и получать удовольствие. Море, оно и есть море. И можно закрыть глаза на очереди в кафе и не очень

свежие салаты и скатерти. Если, конечно, есть такое желание. И любовники есть… ну, посвежее и поудачливей – уж точно. Не такие «писаки» в стол, как я. Да и что это за жалкий удел – сценарист, сценарии которого не берут даже на Казахфильме и киностудии Довженко. Но все женщины, моя дорогая, придумывают себе истории. Как правило, красивые. И вот когда действительность уж очень расходится со всеми их горячими фантазиями… вот тут и происходит… чепуха. Не выдержала ты, девочка, испытания реальностью. Ничего, со временем пройдет. Хотя это испытание не для слабонервных. Правда, – он сел на стул и закурил сигарету, – правда, не всегда дело только в этом.

Он надолго замолчал.

Марина не выдержала.

– А в чем, интересно? – с сарказмом спросила она, готовая предъявить ему и загаженную сковородку, и брошенное полотенце. – В чем же, по-твоему, дело? Философ ты наш доморощенный!

– Какой там философ, – отмахнулся он. – Все просто, как велосипед. Ничего изобретать не стоит.

Она, приподняв брови, с усмешкой смотрела на него.

– И даже еще проще, – он помолчал. А потом, усмехнувшись, сказал: – Просто ты меня разлюбила.

Он затушил сигарету и, взяв книгу и фонарик, вышел на крыльцо.

* * *

Сердце дрогнуло. Дрогнуло. От его беспощадной правды и… жалости. К нему? К себе? К их любви, которая так спешно, так коварно, так нечестно покинула их?…

Или – только ее? Впрочем, какая разница? Суть от этого не меняется.

А что меняется?

Ее жизнь. Вот что.

И вообще – какая-то глупая ситуация. А глупых ситуаций она не любила. Никогда.

Она укуталась в простыню и зажмурила глаза. «До завтра, – сказала она себе. – Вот завтра и решу, что надо делать. А пока – устала. Так устала, что точно – усну. А вот завтра…» – Она зевнула и… сразу же уснула. Потому что была еще очень слаба после этой дурацкой болезни. Вот уж повезло, нечего сказать! Такое подхватить. И где! Ветрянка – обхохочешься просто!

Андрей

Он долго сидел на деревянной ступеньке и смотрел в густую, глубокую чернильную ночь. «Вот и все», – подумал он.

Совершенно спокойно. Без истерик – приказал он себе. Да и что, собственно, произошло? Еще одно разочарование, еще один проигрыш, еще один провал.

Новая порция в ту кучу, где смиренно лежат предыдущие обиды, провалы и промахи. И что, собственно, изменится в его жизни? Да по сути – ничего. Какое-то время одиночества, вполне, кстати, желанного, а затем – новая встреча. Другая женщина, новая жизнь. Впрочем, такая ли уж новая…

И снова будет чуть-чуть надежды и легкого оживления. Чуть-чуть загадочности, флера, кокетства с обеих сторон – каждому ведь хочется выглядеть чуть лучше в глазах другого. Правда, всего этого будет с каждым разом все меньше и меньше. А вот усталости, раздражения, стремления к одиночеству – все больше и больше.

Сначала будет желание. Которое, впрочем, довольно скоро превратится в рутину, раздражение и, если хотите, – обязанность. Потом и оно пройдет. И наступит пугающая (или не очень) темнота, глухая тоска, тупая, ноющая боль. И встанет вопрос: «А зачем мне все это, собственно, надо?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mariya-metlickaya/vremya-dlya-schast-ya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить